

Предисловие к русскому изданию

Улучшение политического климата в мире способствует восстановлению нарушенных международных связей, устраняет предрассудки в отношениях между государствами и общественными системами и благотворно влияет на развитие научного знания, что с полным правом следует отнести и к психоанализу.

В свое время российский психоанализ оказался одной из многочисленных жертв большевизма, а позже стал неуютен национал-социалистическому режиму психоанализ немецкий. Диктаторские режимы, утвердившиеся в Аргентине и Чили, оказали столь же удручающее влияние на развитие психоанализа в этих странах.

Являясь не только медицинской практикой, но и культурологической теорией психоанализ в состоянии помочь лучше разобраться в исторической динамике подобных политических процессов. Помощь эта может заключаться и во вскрытии аспектов стыда и скорби, от которых ранее приходилось защищаться, а также в обнаружении латентных предрассудков и собственных черт в образе врага, что сулит возможность позитивных общественных преобразований в направлении мультикультурального общества. Для Германии решение проблем такого рода стало особенно актуальным после объединения двух немецких государств в 1989 году.

Великий мир с его казавшимися прежде необозримыми и бесконечными просторами доступен теперь не только воображению, но и, благодаря современным средствам массовой информации, вполне обозрим.

Прежде отдельные нации самостоятельно выбирали те или иные пути развития, теперь они находятся в постоянном, многостороннем взаимодействии. Современные разработки теории систем убедительно свидетельствуют о том, что ни одно действие в какой-либо стране не проходит для других стран бесследно и имеет для них те или иные последствия. Речь идет не столько о казуальных процессах с присущими им причинно-следственными связями, сколько о процессах циркулярных, малейшее изменение в которых влияет на политическую систему в целом.

В таком общественно-политическом контексте научное сообщество также ориентируется уже не национально, а мультикультурально или интернационально. В свое время и психоанализ, возникнувший в Вене, быстро перешагнул границы Австрии и стал достоянием мировой культуры...

Международное распространение и развитие психоанализа привело, однако, не только к разрушению барьеров непонимания, но к многочисленным расколам, начало которым положили расхождения во взглядах между тремя «китами» психоаналитического движения — Зигмундом Фрейдом, Альфредом Адлером и Карлом Густавом Юнгом. В дальнейшем противоречия преследовали психоаналитиков и в других странах, разводя в разные стороны не только социально ориентированных политических критиков, но и совершенно неполиитизированные клинические структуры и психотерапевтические учреждения.

Россия не стала исключением на этой стезе размежевания. После распада Советского Союза единая Психоаналитическая Ассоциация тоже распалась на ряд региональных объединений. В мае 1995 года «Российская психоаналитическая ассоциация» отделилась от «Русского («Арбатского») психоаналитического общества» (Москва). В Петербурге действуют две независимые психоаналитические структуры: «Восточно-Европейский институт психоанализа» и «Санкт-Петербургское психоаналитическое общество» с издательским «Информационным центром психоаналитической культуры». В Ростове-на-Дону существует «Ростовская психоаналитическая ассоциация» и даже в далеком сибирском городе Томске интересуются современным психоанализом.

В связи с этим есть все основания полагать, что книга «Современный психоанализ», написанная в Германии в 1989 году для широкой публики, вызовет интерес и в России.

Что касается энтузиазма и пионерского духа, царящих в Москве, Петербурге и Ростове, то автор убедился в этом лично в 1994, 1995 и 1996 годах. В этой связи невольно вспоминается тот энтузиазм, с которым в Германии после катастрофы 1945 года на протяжении всех 50-х годов приветствовали иностранных психоаналитиков, возвращавших психоанализ на родину. Подобно тому, как в свое время Германия извлекла пользу из контактов с психоанали-

тиками Великобритании, Голландии и США, русские коллеги обретают упущенный опыт из контактов с западными психоаналитиками.

Предлагаемая книга представляет собой адаптированное введение в сложную область знания. Побудительным мотивом к ее написанию послужили лекции и семинары, которые я в течение двадцати лет проводил во Франкфуртском университете. Вопросы студентов заставляли меня искать на них точные ответы, прояснять неясное, пытаться устранить противоречия и заполнить существующие пробелы. Хотя научного (позитивного) обоснования верности теории и практики психоанализа нет, тем не менее последний постоянно оправдывает себя в практической жизни. Очевидную пользу из психоанализа извлекают и такие смежные дисциплины, как социология, педагогика, психотерапия и другие.

Я хочу выразить свою особую благодарность Валерии Зеленскому за его кропотливый труд по переводу и редактированию рукописи, Роланду Кнаппе из издательства Клетг-Котта за предоставление прав на публикацию, немецкому фонду Inter Nationes за великодушную финансовую поддержку и петербургскому издательству «Б. С. К.» за усилия по изданию книги.

Ряд московских коллег оказывали помощь на разных этапах осуществления издательского проекта. Особенно я благодарен Марине Игельник, Якову Обухову, Сергею Назаряну и Арону Белкину.

Надеюсь, что книга найдет своих читателей в России и не только поможет их профессиональному росту, но и принесет им ощущение большей полноты собственного бытия.

ПЕТЕР КУТТЕР, Штутгарт, ноябрь, 1996 г.

Вступление

Почему необходимо еще одно введение в психоанализ?

Мы исходим из того, что многочисленные введения в психоанализ нуждаются в уточнениях. Иначе говоря, некоторые из них, как, например, популярные работы Чарльза Бреннера (1967), Густава Балли (1961), или Лоуренса С. Куби (1956), уже успели устареть. В связи с этим на книжном рынке появились новые работы: «Глубинная психология» Зигфрида Эльхарда (1971), «Фундаментальный курс психоанализа» Себастьяна Гопперта (1978), «Введение в учение о неврозах и психосоматическую медицину» Свена Олафа Гоффмана и Герда Гохапфеля (1984); отличный актуальный обзор психоанализа, выполненный Вольфгангом Мертенсом (1981), сжатая и точная информация о психоанализе Франкфуртского Института Зигмунда Фрейда (Мук и другие, 1974). К событиям на книжном рынке можно отнести «Учебник психоаналитической терапии» Гельмута Томэ и Хорста Кэхеля (1985), первый том которого («Основные положения»), составленный в сотрудничестве со многими учеными, знакомит не только с основными положениями психоанализа, но и подробно излагает сущность таких специальных понятий, как перенесение, соответствие, смещение, первичное интервью и толкование сновидений, вырабатывает определенные правила психоаналитической терапии, глубоко и обстоятельно выявляет пути развития и цели психоанализа.

В Институте психоанализа на факультете психологии Франкфуртского университета, где я преподаю с 1974 года, имеется большой выбор психоаналитической литературы; это хорошее подспорье студентам-психологам, которые наряду с классическими психологическими дисциплинами — психологической диагностикой, клинической психологией, педагогической психологией, — сдают экзамены по профессиональной и организационной психологии, равно как и по психоанализу. Некоторые из перечисленных

книг годятся для этих целей, некоторые, как выясняется в процессе работы со студентами, для учебных целей зачастую не подходят. По отдельным экзаменационным темам, которые изучаются в рамках психоанализа (таким, как теория личности и учение о болезнях), написан целый ряд монографий, подавляющее большинство которых для студентов слишком сложно.

Будущие психоаналитики вряд ли обойдутся университетским образованием. Студенты основного курса (психологии) и параллельного курса (психоанализа) могут и должны получать фундаментальные сведения о теории и практике психоанализа, теории личности, учении о болезнях, теории психических отклонений, о психоаналитических методах лечения и консультирования, а также о бесчисленных возможностях приложения психоанализа к общественной жизни и политике, к литературе и искусству, к антропологии и философии. Долгое время я довольствовался тем, что при подготовке к экзамену студенты изучали по меньшей мере одну книгу в каждой из названных областей, однако и такого рода нагрузка оказывалась (по сравнению с другими дисциплинами) чрезмерной, по причине всеобъемлющего характера предмета изучения.

Это соображение стало отправным пунктом для моей работы над введением в психоанализ, которое, с одной стороны, дополнило бы сжатую информацию книг Чарльза Бреннера, Вольфганга Мертенса и авторской группы Института Зигмунда Фрейда, а с другой — не претендовало бы на роль учебника, большая часть которых написана, собственно говоря, для практикующих психоаналитиков. Как образцы таких учебников можно привести пятое издание «Психоаналитического учения о болезнях» Вольфганга Лоха и «Учебник психоаналитической терапии» Гельмута Томэ и Хорста Кэхеля.

Размышляя о содержании этой книги, я в первую очередь руководствовался интересами студентов, с 1974 года посещавших мои лекции и семинары во Франкфуртском университете. Так появилось научно обоснованное введение в психоанализ, которое предназначено для широкого круга читателей и вместе с тем может послужить пособием для тех, кто работает в области социальной психологии и медицины. Все читатели, интересующиеся психоа-

нализом и психологией, получают при чтении книги необходимые сведения независимо от их собственных занятий, будь то социальная работа, медицина, психология или какая-то другая область деятельности.

Впрочем, книга будет полезной и для студентов последних курсов и для практикующих психоаналитиков. Она позволит им составить общее представление о предмете и освежить в памяти уже имеющиеся знания, а отчасти и расширить их.

Цели и содержание предлагаемой книги во многом отличны от моей предыдущей работы «Психоанализ — подтверждения, методы, теория и применение» (Куттер, 1984), в которой я сравнил между собой многочисленные статьи последних лет. с тем чтобы проследить, что именно в психоанализе оправдало себя, а что — нет. Кроме того, я коснулся важнейших аспектов психоанализа как метода и теории. Что касается практического применения психоанализа, то я рассматривал только те его аспекты, которые меня в тот момент интересовали, в частности, вклад психоанализа в групповую терапию и в решение общественных проблем.

В предлагаемой книге речь пойдет о другом. Материал, из которого она возникла, — это лекционные и семинарские заметки, которые настолько выкристаллизировались в ходе бесконечных обсуждений со студентами университета, что буквально звали статью книгой.

«Новая старая критика» психоанализа

Стимулом к написанию этой книги послужили и появившиеся в последнее время многочисленные критические статьи, которые берут психоанализ в перекрестный огонь уничтожительной критики, долженствующей в буквальном смысле его уничтожить. Двадцать лет назад на пресс-конференции Недели психотерапии в Линдау в присутствии ежегодно собирающейся здесь гильдии академических (по большей части не ориентированных на психоанализ) психологов, один журналист предрекал, что через какие-то десять лет «психоанализ Фрейда» утратит всякое значение и уступит свое место таким новым направлениям в психологии, как поведенческая терапия, психология познания и теория обучения. В

1969 году журналист Рупрехт Сказа-Вайс процитировал в газете «Штуптартер Цайтунг» (№ 110, с. 37) диагноз известного гамбургского психолога и психотерапевта Рейнхарда Тауша, который звучал так: «Смерть через десять лет». Пророчества не сбылись. Психоанализ существовал и продолжает существовать по сей день, и во многом продвинулся вперед. Впрочем, и другие направления психологии не стоят на одном месте.

Ситуация в области психотерапии и психоанализа за последние десять лет решительно изменилась. Теперь не ищут объяснения всему высокому и низкому в человеческой душе на запутанных тропах психоаналитической интерпретации, а, напротив, делают упор на экспериментальных и естественнонаучных методах, на серии наукообразных опытов, благодаря которым студенты американских колледжей, равно как и студенты немецких психологических факультетов университетов овладевают все большим числом надежных и серьезных аналитических методов исследования. Следствие этого — переход от чисто статистического подхода к числовым оценкам и выявлению норм отклонений. Разумеется, таким образом можно узнать массу интересных подробностей, которые, однако, имеют для терапии слишком малое практическое значение.

Напротив, теория и практика психоанализа находят себе применение в повседневной работе, в психоаналитических консультациях, в психотерапевтических и психосоматических клиниках, в работе свободно практикующих психотерапевтов. Это живой обновляющийся организм. Критики упрекают психоанализ за его недостаточную научную обоснованность и слабую эффективность методов лечения. Но попытки представить психоанализ «глубокомысленным шарлатанством», как это делает Дитер Е. Циммер (1986), доказать, подобно Гансу Юргену Айзенку (1985), полную неэффективность его методов, или охарактеризовать его как антинаучную теорию — такова сквозная идея книги Кристофа Т. Эшенредера «Здесь Фрейд ошибался» (1984) — неосновательны уже потому, что полученные психоаналитическими средствами результаты проверяются методами, которые составляют противоположность психоанализу и к бессознательным процессам не применимы.

Айзенк и другие критики психоанализа — превосходные знатоки статистических методов психологии восприятия, психологии обучения и психологии памяти. Они прекрасно знают психологию познания, психологию мотиваций и психологию эмоций. Используя эти методы, они упускают, однако, из виду как раз то, чем занимается психоанализ, а именно бессознательные процессы и то, как они протекают в «темных тайниках души» между наблюдаемым извне стимулом, с одной стороны, и разрядкой, с другой. Критики психоанализа поступают с бессознательными процессами примерно так, как поступили бы физики, задумав средствами классической физики (механики, электроники) ответить на вопросы современной теоретической физики, например, теорию атомного ядра.

Чтобы не отвечать на полемическое «Нападение на империю царя Эдипа» («Шпигель», 1984) столь же полемическим изложением, следует наглядно и научно обосновать теорию, методы и применение психоанализа, а чтобы воспользоваться плодами этой работы, необходима известная непредвзятость. Читатель, придерживающийся противоположных психоанализу взглядов, скорее всего воспримет эту книгу как очередное изложение психоаналитической теории. Но если непретенциозное освещение предмета в этой книге заставит хотя бы немногим скептикам задуматься над своей собственной позицией, то главная ее цель будет достигнута.

I. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО

Наши повседневные конфликты

Из повседневной жизни всем известно, как тяжело быть аутсайдером в группе, переживать равнодушие, оказаться исключенным из жизни. Не менее тяжело, когда один человек бросает другого, предпочитая ему третьего, или когда люди навсегда расстаются друг с другом. Если подобные неприятности накапливаются, необходимы добрый совет и поддержка. Первая реакция обычно — обращение за советом к другу, который, скорее всего, посочувствует и скажет, что с ним такое тоже бывало. Иногда стараются обрести профессионального «помощника», который, если он ориентирован на психоанализ, сможет понять и объяснить эти повторяющиеся проблемы с помощью психоаналитической теории. Чаще всего по привычке обращаются к врачу, который, используя обширную лабораторную диагностику, по всем правилам поставит диагноз.

Таким образом, душевную болезнь, относящуюся к человеческим нормам, возводят в разряд неопознанных медициной патологий, и на носителя данного диагноза навешивают ярлык общественно неопасного больного. Психоанализ стремится к совершенно иному, а именно: поведать человеку о воздействующих на него бессознательных процессах, сделать эти процессы явными. По этой причине мы так много занимаемся человеческими страстями, неизбежными конфликтами между людьми, экзистенциальным страхом и человеческой ограниченностью. Современная медицина облегчает нам поиск подходящего объяснения нашим

страхам и душевному неустройству. Медицинский этикет оберегает нас от знания горькой правды и во имя нашего же блага вводит нас в заблуждение.

Великие трагедии и знаменитые романы, напротив, предпочитают называть вещи своими именами.

Первое отступление: наши конфликты в зеркале литературы¹

Европейские трагедии (такие, например, как «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия), духовные учения Ближнего и Дальнего Востока показывают, что человеческая жизнь неразрывно связана с болью и страданиями. Очень отчетливо эта мысль прослеживается в трагедиях Софокла: «Эдип Царь», «Эдип в Колоне», «Антигона». Переработанные греческие мифы в «Орестее» и «Прикованном Прометее» Эсхила только подтверждают трагедии Софокла. Скорбь, горе, проклятие, смерть, - вот их темы. Они повествуют об убийстве, боязни смерти, мести, грехе, страхе возмездия от фурий (богинь проклятия, кары и возмездия). Актуальность этих трагедий столь высока, что постановки «Орестей» Петером Штайном или «Медеи» Хансом Нойенфельзом и сейчас вызывают восхищение публики. Еще одним свидетельством значения бессознательных процессов является «Пентесилея» Генриха фон Клейста в обработке Ханса Юргена Зиберберга и Эдит Клевер². Если бы в них не затрагивались трагические и неизменно важные для людей вопросы, интерес к ним современной просвещенной публики вряд ли бы был так велик. Классическая литература просто немыслима без обращения к коренным проблемам человеческого бытия, к любовным конфликтам, страданиям, ревности, смерти, ненависти, мести и зависти. Пьесы Шекспира изображают печали и радости любви: «Много шума из ничего», «Ромео и Джульетта», «Укрощение строптивой», историю династий великих властителей, комизм обычной человеческой жизни. Великие немецкие романы от Вольфрама фон Эшенбаха до «Будденброков» Томаса Манна и «Игры в бисер» Гессе повествуют о неустроенности человека и его ранних страданиях, о трагических сплетениях человеческих судеб и возможностях преодоления страданий. Бездны человеческой души

открываются в романах Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» с такой же убедительностью, как в романах и повестях Льва Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Хозяин и работник».

В современной литературе романы Генриха Белля, Элиаса Канетти, Макса Фриша и Петера Хандке, книги Джеймса Джойса, Гюнтера Грасса, Генри Миллера, Милана Кундеры, рассказы Бодо Кирхгоффа и Бото Штрауса вновь напоминают нам о наших человеческих, слишком человеческих проблемах.

Второе отступление: наши конфликты в зеркале кино

Точно так же обстоит дело и с современным кино, где я хотел бы особо выделить фильм «Домино»³ Томаса Браша, в котором великолепно показано неизбежное стремление к любви и Признанию, фильмы рано умершего Райнера Вернера Фассбиндера, с особой пристальностью рассматривающего тайны человеческого сознания. Такие режиссеры, как Луис Бюнюэль, особое место в своем творчестве уделяют психологии бессознательного и области, расположенной между воображением и реальностью. В этой связи можно назвать и новый фильм Вима Вендерса и Петера Хандке «Небо над Берлином»⁴, а также Вуди Аллена, в фильмах которого человеческие слабости переданы с легким комизмом — в отличие от Л. Бюнюэля, который довольно жестко преподносит зрителю реалии бессознательных побуждений.

Пример этому — фильм Бюнюэля «Дневная красавица»⁵, где супруга хирурга переживает в дневное время все то, что большинство видит разве что во сне. Она идет в публичный дом и получает там наслаждение в роли «дневной красавицы».

В самом начале фильма красивая молодая женщина вместе со своим мужем едет в карете по живописному дворцовому парку. Их сопровождают слуги в красных ливреях. Карета останавливается, слуги соскакивают на землю. Женщину раздевают, привязывают за руки к дереву, хлещут плетью и, наконец, насилуют. Следующая сцена демонстрирует ту же женщину, которая с унылым видом лежит в кровати рядом со своим мужем, без малейшего намека на

нежность или эротику. Мы видим ее в светской беседе с гостями, в то время как ее муж занят хирургической работой в клинике.

Проследив за женщиной дальше, мы становимся свидетелями того, как однажды она роняет на пол вазу с цветами, надевает солнечные очки и, уходит из дома на поиски публичного дома, мимо которого она сначала проходит, потом возвращается и в нерешительности останавливается. Наконец, решившись, поднимается по лестнице, снова колеблется возле двери — нам видны только ее ноги, которые направляются то назад, то вперед и в конце концов поворачивают к двери. Поднявшись наверх, женщина выглядит очень взволнованной, но доброжелательные слова содержательницы дома ее успокаивают. Таким образом, она становится «проституткой-любительницей».

В происходящее вторгаются две короткие сцены: в первой ремесленник «безнравственно касается» (так писала об этом критика) маленькой девочки, скорее женщины, чем ребенка, во второй девушка отказывается принять облатку на церемонии конфирмации.

Далее следуют очень реалистические сцены в борделе: конфетный фабрикант желает, чтобы его ласкали полуодетые девушки. Он обнаруживает стеснительную Северину (роль которой исполняет Катрин Денев), раздевает ее, грубо хватает, а когда она не подчиняется ему, швыряет сопротивляющуюся женщину на кровать и силой овладевает ею. Профессор гинекологии переодевается в слугу и, держа в руке плетку, умоляет Северину избить его. Он падает к ее ногам и стонет: «Бей меня, бей, я так люблю тебя!» Когда Северина отвергает его просьбы, появляется одна из ее «коллег» и с наслаждением избивает профессора. «Еще!» — кричит он, в то время как Северина, которую принуждает к этому мадам, с отвращением наблюдает за происходящим в дверную щель. Следующим появляется азиатский клиент — высокого роста, атлетически сложенный мужчина. Он долго не церемонится, и сразу же идет к своей цели. После акта, который в фильме не показан, Северина на вопросы горничной отвечает словами:

«Да что ты в этом смыслишь?»

Но остановимся и приглядимся внимательнее к образу жизни Северины. Она несчастна с мужем, погруженным в свою рабо-

ту. Она услышала что-то о публичных домах. Северина идет туда, колеблется, но в конце концов решается переступить порог этого дома. Отбросив сомнения и совершив вытесняемые прежде сексуальные действия, она достигает душевного равновесия, убедительным доказательством чего служит то, что бессознательное превращается в сознательное, но затем по причине своей предосудительности оно вновь дает бессознательные импульсы, определяющие наши мысли и поступки.

В другом, когда-то нашумевшем фильме времен немого кино «Тайна одной души»⁶ режиссера Георга Вильгельма Пабста, вдохновленного Карлом Абрахамом и Гансом Саксом, речь идет об отношениях между мужем (актер Вернер Краузе), его женой (Рут Вайнер), его матерью (Илка Грюнинг) и его отцом (Джек Тревор). Мы становимся свидетелями того, как между четырьмя действующими лицами разворачивается психологический конфликт, проясняющий то, что в психоанализе именуется «эдиповым комплексом».

В первых сценах фильма мы видим мужа и жену в благополучном браке. Жена хочет, чтобы муж подравнял ей прическу, подрав несколько волосков на затылке. В это время распаивается соседское окно и кто-то кричит: «Убийца!». В следующей сцене жена пытается соблазнить мужа, но он остается равнодушен. Приходит сообщение о скором визите двоюродного брата, личность которого характеризуют японский кинжал и так называемый «кванон» (символ плодородия). Следующая сцена. Муж спит. Ему снится, что разразился шторм, пол в доме ходит ходуном, двоюродный брат, сидя на дереве, целится в него из ружья. Муж взбегает по винтовой лестнице на башню, появляются колокола, которые превращаются в лица, смеющейся над ним жены. Муж возмущен, — жена и двоюродный брат катаются вместе на лодке. Муж отчаянно колотит в стену и пытается заколоть свою жену саблей.

В следующей сцене действительно объявляется двоюродный брат. Он дарит жене цветы и беседует с ней, но муж в беседе участия не принимает. Во второй сцене, напротив, мужчины оказываются вместе, а жена остается одна. Фильм ясно дает понять, что двоюродный брат «наставил мужу рога». Чтобы отвлечься, муж отправляется в пивную, забывает там ключ от дома и неожидан-

но оказывается в доме матери, которая балует его едой и при этом режет мясо крохотными кусочками, поскольку сам он испытывает страх перед ножом. В следующей, несколько смехотворной для современного образованного зрителя сцене, муж приходит на прием к психоаналитику, и тот внушает ему: «Вам кажется, что двоюродный брат угрожает Вам. Вас пугает его появление, женщины смеются над Вами и ни во что не ставят, а Вы подозреваете в греховных устремлениях свою жену, так как сами уже ни на что не способны. Отсюда Ваша ревность». Это означает следующее: «Бессознательно Вы упрекаете свою жену: ты отказываешь мне и связываешься с двоюродным братом, ибо когда-то, еще ребенком, переживала нечто подобное». Фильм не упускает возможности преподать зрителю «хэппи энд» вполне бургерской истории конца века. Это сделано, однако, (что характерно для того времени) не прямо, с помощью постельной сцены, а косвенным образом — сценой, изображающей рождение ребенка.

Фильм отчетливо демонстрирует страх мужа перед женой, его зависимость от матери, гнет вины, ревность к двоюродному брату и бессознательную враждебность к жене. Когда муж подносит к шее своей жены лезвие бритвы, чтобы сбрить лишние волоски, и слышит из соседнего окна крик: «Убийца!» — в нем пробуждается бессознательное желание ее смерти, которое, в свою очередь приводит к чувству вины и жажде самонаказания. «Эдипов треугольник» между мужем, матерью и женой совершенно очевиден. Привязанность к матери препятствует установлению зрелых отношений между мужем и его женой. Перенос привязанности с матери на жену делает последнюю настолько важным объектом, что визит двоюродного брата вызывает у мужа приступ ревности. В качестве «закономерного» мы обнаруживаем в «эдиповом треугольнике» 1) проявление любви к важной личности, 2) ревность, когда этой любви угрожает появление третьего лица, 3) ненависть к сопернику, готовую перерасти в желание его смерти.

Драматургия Эдипова комплекса, обретшая классические очертания в трагедии Софокла, была переплавлена Пазолини в современную форму в его фильме «Царь Эдип»⁷, в котором Сильвана Маньяно исполнила роль Йокасты, а Франко Читти — Эдипа. В

этом фильме скомбинированы современность и классическое прошлое.

«Ты здесь, чтобы занять мое место. Первое, что ты отберешь у меня, будет она, женщина, которую я люблю», — говорит мужчина своему только что родившемуся ребенку. В греческой трагедии пастух подбирает изгнанного младенца и перевязывает ему ноги (как тут не вспомнить знаменитое изречение «*nomen est omen*», ибо это действие дает ребенку имя Эдип, что в переводе означает «с опухшими ногами»).

В следующей сцене бездетная царская чета Полиб и Мeroпа в Коринфе берут у пастуха на воспитание найденного им ребенка. Позднее подростка осеяет: «Ты не сын этой матери и этого отца». Он не может в это поверить, и его охватывает панический страх, когда дельфийский оракул предсказывает ему, что он убьет своего отца и овладеет матерью. Он покидает своих приемных родителей, дабы избежать исполнения пророчества, однако, не понимая связи явлений, как раз способствует его исполнению. Убежденный в том, что он сын Полиба и Мeroпы, Эдип покидает Коринф и отправляется в Фивы. Одна из самых впечатляющих сцен — та, где он кружится на дороге. Он встречает на пути какого-то знатного мужчину, восседающего на запряженной лошаадьми колеснице. Эдип не желает ему уступить дорогу и слышит угрозы: «Если ты не сойдешь с дороги, я прибегну к силе!» Эдип издает пронзительный крик и убегает, слуги его преследуют. В порыве ярости он убивает их одного за другим, затем возвращается, издевается над сидящим в колеснице старцем и наконец убивает и его.

В Фивах тем временем царит моровая язва, которой никто не в силах победить. Чудовищный сфинкс — получеловек, полуживотное с божественными чертами — говорит: «Бездна в которую ты погружаешься, — в тебе самом». Никто не понимает, почему город посетила беда. На вопрос Креонта дельфийский Оракул отвечает: «Человек, жертвой которого пал Лай, живет в городе». Ясновидящий Тиресий добавляет: «Если захочешь узнать, узнаешь». Ни о чем не подозревающий Эдип, не ведая, что он сам всему виной, желает отомстить виновному. Ясновидящий говорит на это: «Ты не должен распознавать свою суть, ибо не сможешь этого вынести». Эдип готов узнать у Тиресия о виновнике. Иокаста смеется, ког-

да Тиресий продолжает: «Я вижу вещи в их истинном свете. Великое несчастье, что тебе дано отгадывать. В тебе говорит страх. Родители — твоё несчастье. Чужак и все же рожденный здесь. Дети, отец и брат, женщина — мать, так решено богами». Иокаста говорит ясновидящему: «Это все ложь... людям не дано видеть будущее». — Эдип (позднее): «Страшно это знать» и «слишком много я уже знаю», в то время как Иокаста продолжает упорствовать: «Я не хочу этого слышать. Лучше не знать». Следует признание слуги: «Лучше бы ребенок умер. Я должен был это сделать. Он родом из дома Лая, Иокаста дала его мне, чтобы я его убил».

Таким образом, открывается тайна. Иокаста вешается, а Эдип лишает себя зрения: «Я не могу видеть мир, глаза, которые не смогли разглядеть правду, ослепли, словно от резкого света. Я грешен и в то же время безгрешен, ведь не знал я; совершил, не зная что совершил».

К концу фильм переносится в наши дни: современный Эдип идет в сопровождении летящего ангела, исполненный той трагической боли, что вновь и вновь выпадает на его долю. Всякий из нас — Эдип, если, казалось бы, самые благие отношения приводят нас ко злу.

В беседах со студентами становится очевидным, что судьба Эдипа касается нас всех: несмотря на все усилия разума в XIX и XX вв., мы зачастую не ведаем, что творим, не знаем, какие мотивы побуждают нас к действию. Мы полагаем, что можем избежать несчастья и позволяем ему беспрепятственно приближаться. Подобно Эдипу, мы не знаем, по какому пути идем. и кто тот, кого мы на нем встретим. Многие слова из фильма Пазолини звучат для нас знаменательно: «Все важно ... Увидев одного, можно заключить о другом ... Я заставил себя забыть ... Учись смотреть, тогда распознаешь ... Со множеством понятий, мы ничего не понимаем, исполненные грехов — безгрешны, таков каприз богов».

Мы пребываем между жадной узнать правду (даже тогда, когда ее невозможно перенести) и страхом перед истиной. Слепота «внешних» глаз Эдипа наделяет внутренним зрением — мудростью, которую многие воспринимают как проклятие; неудивительно, что у психоанализа так много врагов.

К концу этой главы мы приходим к очевидному: поэты, драматурги и писатели давно поняли то, что позднее открыл и систематизировал психоанализ. Несомненно также влияние психоанализа на многие произведения литературы и искусства — достаточно вспомнить Томаса Манна, Германа Гессе, Джеймса Джойса, Т. С. Элиота, Д. Х. Лоуренса, живопись Дали, Пикассо и др.

С помощью психоаналитических экспериментов, анкет и тестов человеческие, слишком человеческие конфликты выявляются не полностью. Поэтому я позволю произведениям европейской культуры, созвучным теории и методам психоанализа, говорить самим за себя. Надеюсь, что эта вступительная глава возбудила интерес читателя к последующим главам.

II. ДЕРЕВО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1. Корни психоанализа: естественные науки, литература и философия

Наше изложение психоанализа начнем с того, что сравним его с деревом познания: ствол, состоящий, естественно, из произведений Фрейда, уходит своими корнями в Вену конца XIX века. Проследить все эти корни было бы, конечно, интересно, но заняло бы здесь слишком много места. Они произрастают как из естественных наук, так и из философии и поэзии, они питают ствол произведений Зигмунда Фрейда, из которого возникли ветви и побеги. Прежде всего следует упомянуть эволюционное учение Дарвина и биогенетический закон Геккеля, который Фрейд запечатлел в памяти еще в свои школьные годы. Еще один корень произрастает из физиологического института в Брюкке, где Фрейд написал свою первую научную статью и познакомился с Иозефом Брейером. Следующий корень психоанализа происходит из Франции, из больницы Сальпетриер в Париже, где Фрейд, молодой врач столкнулся у знаменитого психиатра Шарко с весьма распространенной тогда болезнью — истерией и познакомился с гипнозом как методом исследования и лечения.

На протяжении своего естественнонаучного периода Фрейд мыслил в рамках медицинской модели болезней, которая отыскивала причины заболеваний, исходя из причинно-следственных принципов, и боролась с симптомами тем, что устраняла их причины (в случае, туберкулеза, например, — палочки Коха, а в случае сифилиса — бледные спирохеты).

С другой стороны, интересы Фрейда касались литературы и искусства. его восхищала археология, он проявлял философские

интересы к самопознанию*. Он многое почерпнул из духа своего времени, переработав и интегрировав его в своих книгах; но мы не всегда в состоянии определить сейчас происхождение вдохновлявших его источников.

Большое влияние оказали на него также следующие великие личности: философ, математик и публицист Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646 — 1716), создатель учения о монадах — мельчайших духовно-психические частицах, которые очень разнообразно функционируют в пределах тела, но, в конечном счете, являются неделимыми.

Врач и естествоиспытатель Карл-Кустав Карус (1789 — 1869), установивший, что бессознательная психическая деятельность проявляется через переживания и сны («Лекции о психологии», 1831).

Философ Эдуард фон Гартманн (1842 — 1906). В частности его вышедшая в 1869 году трехтомная «Философия бессознательно-го».

Философ и педагог Иоганн Фридрих Герbart (1776 — 1841), в главном труде которого («Всеобщая метафизика», 2 т.т., 1828/29) описаны «влечения», которые могут быть вытеснены «за порог сознания».

Сюда же следует добавить и Артура Шопенгауэра (1819), чья «воля к жизни» имеет много общего с Фрейдом «инстинктом» или, например, с «Эросом».

Но оставим обильные корни и обратимся к стволу дерева психоаналитического познания.

* Как, в частности, узнал Петер Брюкнер (1961 — 63), в круг чтения Фрейда входили «Потерянный рай» Мильтона, «Дон Кихот» Сервантеса, «Том Джонс» Фильдинга, романы Чарльза Диккенса, книги Вильгельма Буша и «Нильс Лин» Иенса Петера Якобсона. Фрейд изучал также сочинение Гете «Природа», читал Платона и Грильпарцера (см.: Имра Германн, 1974).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru